

НА ЗИМНЕМ САРЕЗЕ

ЗАПИСКИ ГИДРОЛОГА

Снегоход приминая снег, искрящийся тысячами разноцветных лучиков. За машиной по ровной глади озера тянулась прямая, ребристая колея, «Буран» медленно забрался на торос, на миг застыл, покачиваясь на гребне вспученного голубоватого льда, и, рыкнув двигателем, скользнул на залитый водой лед...

Внезапно послышался громкий треск, хруст раскалывающегося льда, и тяжелая машина, продавив полуметровую толщу, провалилась, рухнула в кипящую снежным крошевом воду, утробно всхрапнув в ту же секунду заглохшим двигателем.

Над озером повисла вязкая тишина, нарушаемая лишь громким сопением и плеском воды. Незадачливые путешественники, еще минуту назад с интересом оглядывающие окрестности озера с сиденья скользящего по льду «Бурана», барахтались в полынье, пытались выбраться из воды. Обжигающе холодная вода упругими тисками сдавила грудь, перехватывала дыхание. Ледяная и снежная крошка облепила лицо, набилась за воротник меховой куртки. В воде куртка обернулась заправской смирительной рубахой, сковывая движения, не давая пошевелить руками. Сбросить её меня удержала мысль о том, что это как-никак казенное имущество. Очки, слетевшие с носа, тоже были казенными, я их с трудом поймал под водой коленями,

Зажав очки в кулаке, я рванулся к кромке льда, на которую, пыхтя, силился выбраться Боря, и ... окунулся лицом в воду. На зубах захрустел лед. Я рванулся вторично и тут только понял, что добраться до кромки льда не смогу. Кто-то невидимый мягко, но цепко держал меня за ногу и вдобавок медленно тянул вниз, под лед.

Я тяжело забил рукавами намокшей куртки по воде. Нога моя была словно в тисках. Боря выползал на лед, энергично брыкаясь, швыряя мне в лицо куски льда и снега.

Я вложил все силы в последний рывок, задергал ногой, замолотил руками с такой силой и яростью, словно пытался выплеснуть всю воду из полыньи и... с облегчением почувствовал, что тот, невидимый, сидящий под водой, отпустил мою ногу.

— Шурик! Руку! — Боря, отдуваясь, первым выбрался из полыньи.

«Лап. лап, лап...» — это тяжело бил ногами по воде Сергей, выползая на лед. Намокшая одежда не позволяла мне продемонстрировать ни одного из благородных стилей плавания. Плыл «по-собачьи», подминая под себя взбаламученную воду.

— Руку давай! — Боря наклонился над полыньей, протягивая мне свою мокрую руку. Финиш прошел бурно. Я, как клещ, вцепился в Борину ладонь и неуклюже, по-тюленьи, прижимаясь грудью ко льду, выполз на снег.

— Раздевайся!

Боря суетливо стягивал с себя пуховку, звонко стуча зубами.

Сергей выливал воду из сапог, разбросав по снегу куртку, свитер, рубашку. К моему удивлению, в полынье все же было теплее, чем здесь на льду. Ветер, задувающий с верховьев, стал каким-то резким, колючим, по-рывами сметал снег со льда. Сбросив куртку, я повалился в снег, вцепившись в сапог обеими руками, пытаюсь стащить его с ноги. Сапог не поддавался. Намокший, он словно присосался к ступне. Эх! Озверев окончательно от холода и пронизывающего ветра, я рванул, едва не вывернув себе ногу. В коленном суставе щелкнуло. Приплясывая босыми ногами на снегу, Боря яростно скручивал узлом рубаху, отжимая из нее воду.

— Ну и вид у тебя был!

— Какой? — не понял я.

— Да лицо, такое испуганное. А глаза... как у рыбы, которую в кипяток бросили. Из орбит вылезли и побелели. И рот разинут!

— А ты! — Я по его примеру заплясал на снегу, чувствуя, как босые пятки покалывают острые льдинки. — Ты меня тащил, будто медаль «За спасение утопающих» хотел заработать!

— За тебя не дадут, — Боря вылил из сапога воду. — Какой же ты утопающий, если из воды не хочешь вылезать. Как морж. Ты чего это там возился? Понравилось?

— Ногу что-то схватило!

— Русалка?

Я пожал плечами и оглянулся. В полынье плавали бумажки, щепки, веревка. Веревка! До меня дошло, что держало мою ногу. Веревка. Длинная веревка, которой мы привязывали грузовые сани к «Бурану». В тот момент, когда мы провалились под лед, веревка захлестнула мою ногу, а сани, сразу же

утонувшие, затащили петлю. Я представил себе «Буря» и сани, стремительно погружавшиеся в темно-синие, холодные глубины озера, и себя, привязанного за ногу к машине, представил, как пришлось бы мне затем покачиваться там, в глубине, эдаким поплавком, и даже не мурашки, а какие-то тараканы, забегали по телу, а смерзшиеся волосы на голове зашевелились.

Под нами, подо льдом, на котором стояли мы, разглядывая провалившийся снегоход, была трехсотметровая глубина. Я огляделся. Вокруг на многие километры простиралась ровная поверхность замерзшего озера. Над берегами возвышались насупленные, припорошенные снегом скалы... До ближайшего жилища было почти тридцать километров.

Если взглянуть на карту Таджикистана, то в самом центре Памира среди темно-коричневых красок можно заметить тонкую голубую полосу. Она напоминает по форме маленького дракона, приготовившегося к прыжку и высоко задравшего голову. Среди высоких, покрытых мощными ледниками гор расположилось уникальное, полное нераскрытых тайн Сарезское озеро.

Сарез — один из самых молодых географических объектов нашей планеты. Озеро образовалось в ночь с 18 на 19 февраля 1911 года, когда у кишлака Усой произошел гигантский обвал, перегородивший плотиной реку Мургаб. Свыше двух кубических километров горных пород более чем на три года полностью закупорили русло реки. Ежегодно на восемьдесят метров поднимался уровень воды, затопляя лежащие выше плотины кишлаки. Первым среди них был кишлак Сарез, от которого и получило свое название озеро. Лишь в 1914 году началась фильтрация воды из озера через тело завала.

Поражают размеры этого чуда природы. Почти на шестьдесят километров вытянулась среди хребтов голубая лента. До трех с половиной километров расступаются его берега. Максимальная глубина озера достигает полукилометровой отметки. Объем скопившейся в озере воды сейчас составляет девяносто процентов годового стока реки Амударья. Несколько десятков рек, ручьев притоков, берущих начало из ледников, снежников, родников, отрогов хребтов Северо-Аличурского и Музкол, впадают в озеро.

...Вертолет, взрывая, завис над заснеженной площадкой. Задрав хвостовую балку, он скользнул вниз по реке и, обогнув массивный отрог, скрылся за склонами гор, обступающих Ирхтский залив. Только многократно повторяемое эхом гудение напоминало о том, что воздушная нить, связывающая нас с «Большой землей», оборвалась. Мы на Сарезском озере. Мы — это сотрудники гидрографической партии Таджикского республиканского управления по гидрометеорологии и контролю природной среды. Нас шестеро. Николай Кузнецов — наш руководитель, так называемый шеф, Карпунин Сергей, Калонтаров Борис, Муратов Тимур, Бурцев Бахтиер и я, автор этих строк. Прилетели мы сюда на долгих три месяца, чтобы провести целый ряд наблюдений за озером...

Ежедневная, ежечасная переработка берегов озера, огромное количество твердого материала, ила, которые несут в озеро его притоки, незатухающая селевая и лавинная деятельность в этом районе — все это ведет к заиливанию Сареза. А это в некоторой степени способствует росту уровня воды в озере.

Любители путешествий, бывающие в различных бассейнах рек республики, очевидно, не раз встречались с котловинами завальных озер, появившихся в различное время, которые ныне полностью заполнены наносными материалами. Примером могут служить подпрудные озёра, которые образовались в 1982 и 1983 годах на реке Сардаимиена, когда селевые потоки перегородили её русло. Просуществовали они недолго, сейчас полностью заилились.

Еще один пример подобного заиливания — завальное озеро, некогда существовавшее в приустьевой части реки Западный Пшарт. Предполагают, что завал, перегородивший здесь реку, произошел одновременно с Усойским, то есть 75 лет назад. Прошли десятилетия, а от озера, когда-то плескавшегося перед преградой, созданной стихией, не осталось и следа.

Сарезу, длина которого превышает пятьдесят километров, столь скорое заиливание не грозит. Но где и с какой интенсивностью происходит заиливание, как, насколько изменится рельеф его дна? Как происходит накопление воды в озере в зимний период? На все эти и на многие другие вопросы нам предстоит ответить лишь после завершения работ.

За три месяца работ на акватории озера экспедиция разобьет сотни поперечных профилей, на которых, пробуравив лед (а общее число пробуренных лунок превысит две тысячи), проведет промеры глубин, отберет сотни проб для определения химического состава воды. Одновременно будут проведены наблюдения за температурными режимами озера на различных глубинах, начиная от десяти метровой и кончая почти полукилометровой отметкой. Кроме гидрологических работ, по всем промерным точкам будет определена толщина ледяного покрова и снега, укывшего озеро. Предстоит и определение снегозапасов в окрестностях озера.

В последний раз подобные работы проводились здесь десять лет назад. Сравнение результатов даст возможность определить, какие перемены произошли в его темно-синих глубинах.

Наш лагерь располагается метрах в трехстах от Ирхтского залива, на берегу реки Лянгар. Поселились мы в балках, небольших деревянных домиках. Балки комфортабельны. Стол, табуретки, двухэтажные нары, рассчитанные на четырех. В балке, где поселились Боря, Сергей и Тимур, поставили газовую плиту. Кроме кухни, здесь у нас была столовая-кают-компания, где по вечерам мы засиживались за чаепитием, чтением, беседой.

Здесь, на берегу Лянгара, мы не одни. Метрах в ста выше нашего лагеря находится гидрометеостанция Ирхт. Там живут наши давние друзья и коллеги — зимовщики.

С конца тридцатых годов ведется постоянное наблюдение за погодой в районе метеостанции, за озером.

Раннее утро. Мороз за тридцать. Снег хрустит, поскрипывает под ногами. Наш очередной рабочий день начинается с того, что мы перетаскиваем канистры с бензином от лагеря к берегу озера, помогаем нашему «механику» заправлять «Буран».

В первой экспедиции на Сарез средством передвижения по льду был мотоцикл «Урал» с коляской. Но, как оказалось, даже столь могучий транспорт не может обеспечить передвижение по снегу, и поэтому уже на следующий год к берегам озера был доставлен снегоход «Буран». К радости гидрологов, он зарекомендовал себя с самой наилучшей стороны. Ему оказались нипочем и морозы, и глубокий, рыхлый снег, и высота.

Функции механика, ответственного за технику, выполняет у нас Карпунин Сергей. Он бы смог работать автослесарем на каком-нибудь автомобилестроительном предприятии. Трактором, автомобилем, мотоциклом, катером, снегоходом он управляет с одинаковой уверенностью и на слух определяет все неисправности, в работающем двигателе. О его способности чинить то, от чего все уже давно отказались, среди экспедиционных отрядов, работающих летом на Сарезе, ходят легенды. А для нас бедствием оказываются его дежурства по кухне. «Буран» почему-то тотчас же ломается, мы по очереди заглядываем в его нутро, что-то пытаемся подкрутить, затем кто-нибудь из нас бежит за Сергеем. И тут уже не «Буран» заводится, а сам Сергей.

— Кто лазил? — это его первый выхлоп.— Какого черта! Когда не знаешь...— дальше следует целая серия о тех, кто не смыслит в технике, и кого надо топить в самом глубоком месте Сареза.

Боря топчется возле испачканного в масле механика, подает ему ключи. Он усиленно занимался в первые дни, овладевая техникой, и теперь знает, где у «Бурана» бензонасос, который барахлит. Такая подкованность возвышает его над остальными «дикарями». Управлять же «Бураном» до того просто, что мы при каждом удобном случае усаживаемся за руль, отпихивая друг друга. После поездки лицо у водителя такое, будто он, по меньшей мере, слетал в космос.

«Буран» мчит по засыпанному снегом льду. Алмазные крупинки снега запорошивают корму машины, летят в лица нам, сидящим на санях. Через небольшие торосы снегоход перелетает, только санки встряхивает, заставляя нас крепче цепляться друг за друга. У метровых и выше торосов Сергей притормаживает, чтобы нас не выбросило из саней. За время пребывания на

морозе, наши уже успевшие отрасти бороды, покрываются слоем инея, с усов свисают сосульки.

Сергей, сделав крутой разворот, заглушил мотор. Над озером нависла тишина, нарушаемая гулким клекотом, уханьем, треском прогибающегося под собственной тяжестью льда. Впервые услышав треск льда, в это время мы находились метрах в ста от берега, я до того испугался, что непроизвольно запрыгнул в санки. На что Сергей ехидно заметил:

— Ты что, думаешь, это тебя спасет?

— Ну, все-таки, хоть не на льду стою.

— Да ты хоть на «Буран» залезь! — вмешался Бахтиёр.— Ведь тут сто пятьдесят метров глубина! Никакой водолаз не достанет!

— А кому он нужен? — Боря глубокомысленно и оценивающе оглядывает меня.—Спишем по акту и все...

К уханью и треску, издаваемому льдом, мы скоро привыкли.

— Бахтиёр, видишь репер? — Боря устанавливает теодолит.— Вон, правее сыпучки. Камни, черные, а сверху белый! Давай, туда топай. От репера каждые сто метров точку на льду давай.

Бахтиёр, взвалив геодезическую рейку на плечо, отправился к берегу.

— Постой,— Сергей закончил манипуляции с отвертками и ключами, складывает инструмент.— Сейчас отвезу.

Работа началась. Бахтиёр бродит от берега к берегу, намечая промерные точки. Мы по его точкам бурим лунки, делаем промеры глубины. Правда, от берега к берегу мы едем на «Буране».

— В век лазеров и космических аппаратов бурить вручную полуметровый лед!! — я едва отдышался.— Неужели ничего не придумают? Какой-нибудь аппарат на ультразвуке, что ли!? Или, на худой конец, мотобур!

— Да есть мотобур, успокойся... Только ты думаешь, им работать лучше? Так руки отмотаешь, что и бурить не захочешь!

Бурить тяжело. Сказывается высота, и то, что к тяжелому физическому труду мы не привыкли еще. Не втянулись. Бурим, по два-три |раза сменяя друг друга. Задыхаешься, немеют руки. Бур тупится о лед, и его приходится подтачивать напильником.

Последние несколько оборотов, и бур проваливается. Сергей подтаскивает лебедку и груз, небольшая гирька стремительно уходит в глубину озера,

раскручивая барабан. Стрелка счетчика отсчитывает длину разматываемого шнура: 60, 70, 150, 160, Стоп. Глубина промерной точки 187 метров. Я вытягиваю груз. Николай измеряет толщину льда. Сергей заводит «Буран», складывает инструмент, едем к следующей точке. Борис с Бахтиером уже закончили разметку льда и перешли к следующему створу. Разве их догонишь?! У нас морозом прихватило счетчик, и его приходится очищать от слоя льда.

Обедаем здесь же, у теодолита. Сергей разжигает портативный примус, вскрываем и разогреваем консервы, нарезаем хлеб. Нароботались...

Обед закончен. Мы приступаем к бурению, Бахтиёр-уходит. Боре, по-моему, еще хуже, чем нам. Мы-то в движении. А он весь день у теодолита. Целый день приплясывает. Мерзнут руки, ноги... Вторая половина февраля. Никакого потепления не предвидится. Пришел антициклон, встал и никакими силами его не сдвинуть.

Приглашаю читателя вновь на место катастрофы, с которой начал рассказ.

— Больше не тонет! — к Сергею вернулся дар речи. Подхватив полушубок, он подошел к полынье.— Смотрите, застрял.

Из-под воды, булькая, выныривали пузырьки воздуха, расплзались радужные разводы масла и бензина. Сергей, потоптавшись у тороса, лег ничком на лед, подполз к краю полыньи, засунул руки по плечи в смежное месиво и старательно зашарил под водой.

— Сани здесь!

— Осторожно!! — Боря сделал шаг к краю провала.— Что ты там шарить?

— Веревку...

Сергей, вцепившись одной рукой в веревку, виновницу моего длительного купания, второй рукой уперся в лед. Вдвоем с Борисом вытащили из воды сани. Сергей опять пополз к полынье. Вскоре он по-рачьи двинулся назад, вытягивая из воды бухту капронового фала.

— Вот, веревка,— он суетливо потер руками, пытаясь согреть застывшие, красные ладони. — Может быть, вытянуть попробуем? Как, а? Попробуем?

Очевидно, считая себя главным виновником случившегося, он жаждал действий, стремился поправить положение и ожидал нашей поддержки. Я с сомнением обошел полынью, оглядывая ее со всех сторон. Сергей отодрал от саней кусок фанеры:

— Я сейчас на фанеру встану, и привязать «Буран» за руль попробую. Ты подстраховывай.

Он обошел полынью и, встав на четвереньки, пополз к самому краю обломившегося льда.

Боря распутал фал и протянул коней Сергею. Тот лег на фанеру, уткнувшись носом в воду. Я ухватил его за ноги.

— Сейчас,— Сергей, пыхтя, привязывал веревку к лыже «Бурана», засунув руки по плечи в воду.

Борис на самом краю полыньи затягивал петлю на корме машины. Снег, пропитанный водой, хлюпал под его острыми коленками.

— Есть! — Сергей яростно замахал руками.— Ломит как! Вода какая холодная!..

— Кажись, выдержит!? — Боря попятился на четвереньках от полыньи, рывками пробуя накрученный узел.

— Ну, впряглись? — Я перекинул веревку через плечо. Сергей с Борей ухватились за твердый, как прут, фал.

— Раз, два, взяли!..

Фал тупым зубом вцепился в плечо, надавил на грудь. Ноги предательски скользили по льду. Боря с Сергеем засеменяли, пытаясь удержать равновесие. «Буран», вздрагивая от наших рывков, наклонился, из воды показались защитное стекло, фара. Сергей затанцевал на льду. У меня разъехались ноги. Мы на миг ослабили свои усилия, и «Буран» с тяжелым всхлипом погрузился в воду.

— Опоры нет, — Боря, сбросив веревку, уложил под ноги кусок фанеры.

— Давай еще, — Сергей поудобнее перехватил веревку. — Только вместе!

— Взяти! — Сергей, моментально побагровев, потянул фал. — Еще!

Я почувствовал, как фал сдавливает мою ладонь, впился в тело, перетягивая ребра...

В детстве дед мой часто рассказывал истории про бурлаков. Про то, как тяжелые баржи, груженные мукой, рыбой, бурлакам приходилось тянуть вверх по реке. Дедушка моего деда или мой прапрадед частенько занимался этим тяжелым промыслом. Даже я фамилия его Бурлаков. С особым удовольствием дед рассказывал о том, как во время пахоты у прапрадеда что-то случилось с сохой. Не помню уже, что там было, но на вопрос: «А что же лошадь?», мой прапрадед простодушно ответил: «Куда там лошадь! Я сам еле вытащил!»

— Тяни!! — У Сергея от напряжения глаза сделались круглыми и запотели очки. Я рванул так, что, кажется, захрустели ребра. Прапрадеда бы сюда! «Буран» вздрогнул, опять из-под воды выглянула фара. Фал дрожал хорошо натянутой струной. Ноги заскользили, стирая с отполированного льда снег. Нет... Вытащить снегоход нам было не под силу. Вокруг скрывшегося под снежной кашей «Бурана» забурлила вода. Мы сбросили веревки на лед.

Тяжело дыша, мы пытались прикурить мокрые сигареты от подмокших спичек. Усилился ветер. Мокрая одежда понемногу застывала, начинала коробиться.

— Вот, что. Пошли домой! — я швырнул окурок в воду. — Или нет. Пошли к геологам. У них же свой «Буран» есть! Попросим их «Бураном» наш вытащить.

— Если наш к тому времени на дно не уйдет! — добавил Боря.

— Будем надеяться! — я оглядел полынью. — Вроде бы крепко сидит.

— Пошли, — согласился Боря — а то мы тут застынем, пока провозимся.

Меня била противная дрожь. Тряслись колени, руки. Зубы выбивали что-то ритмичное. — Ничего, дойдем. До геологов километров двадцать пять, так ведь? — Я посмотрел на Сергея.

— Так, — Сергей понуро кивнул головой.

Вторую неделю мы живем в верховьях озера, на берегу залива Танготаркия, в небольшой избушке, спрятавшейся под кроной раскидистой березы. Избушку эту мы построили сами года четыре тому назад, используя под строительство плавник, высушенные стволы деревьев, найденные в лесу. Ущелье от самых берегов озера поросло настоящим густым лесом. Здесь встречаются береза, тальник, арча. Избушка наша немного тесновата для шестерых, но в тесноте, да не в обиде. Лежак, откидной стол, печка, и свободного места уже нет. Под потолком две полки, на которых можно относительно удобно устроиться. Разместились мы неплохо. По утрам четверо «первозтажников» подолгу спорят, кто на кого скатился, кто кому храпел в ухо... Доходит до того, что старательно измеряют ширину нар, наделяя каждого из спящих на них персональным участком.

Худощавый Боря яростно спорит, если ему, согласно его комплекции, выделяют узкую полосу.

— Поровну! Всем поровну! — надрывается он, с чем, конечно же, не соглашается оппозиция в лице упитанных Николая и Тимура. Я и Бахтиер выступаем в роли судей и зрителей. У нас свои персональные лежаки на втором этаже. Моя хата с краю...

Лед в верховьях озера поражает своей толщиной. Почти метровый слой приходится бурить, стоя на коленях, бур глубоко уходит в лед. Пока пробуришь

очередную лунку, семь потов сойдет. А вот глубины здесь совсем небольшие. Крутить лебедку, измеряя глубину, легко, замерзать она не успевает.

Морозы немного поутихли, зато зарядили метели и снегопады. По несколько дней нам приходится отсиживаться в убежище — избушке, пережидая непогоду. Занимались камералкой, резались в нарды, беседовали, спорили... Николай с Тимуром уходили вверх по ущелью, смотреть козлов. Скучать, томиться безделием не приходилось.

Сегодня с утра опять занепогодило, но к обеду понемногу растянуло облачность, перестал задувать ветер. После обеда уезжаем к устью реки Каттамарджанай. Мы с Николаем идем краской красить на скалах точки реперов, строить туры, Тимур с Бахтиером измеряют расход воды в реке. Нам надо узнать, сколько воды поступает в озеро. Бахтиер распутывает провода, прикрепляет прибор к водомерной штанге, подтягивает болотные сапоги и, ежась, ступает в воду. Удивительно, как Бахтиер не любит воды. Он готов пройти не один километр по реке в поисках удобных для перепрыгивания камней, но разуваться и лезть в реку не станет. Однажды он не поленился, забрался на скалу, по которой хотел обойти поток, сорвался, долго летел в воду, выплыл, но по-прежнему переход вброд — это пытка для него. Отчаянный спорщик, он готов спорить с кем угодно, где угодно и когда угодно. Причем совершенно не важно, компетентен он в этом вопросе или нет...

Только в районе водомерного поста, где пойма реки широка, видны обрывистые берега реки, сложенные из валунов песка, галечника. Выше река скрыта под белой шубой снега, ледяными заберегами. Черного цвета вода устрашающе клокочет, выбрасывая из отверстий во льду сверкающие капли брызг.

Промеры закончены. Бахтиер сворачивает провода, упаковывая всё хозяйство, Тимур осматривает окрестности залива в поисках дичи. Он у нас заядлый охотник. Только по утрам никогда вовремя проснуться не может. А в обед сама дичь, пообедав, отдыхает, не догадываясь о том, что Тимур пытается найти ее среди скал. Тимур из породы тех охотников, что на возглас: «Дичь!» выскакивают из палаток, убежищ, саней, «Буранов», вертолетов...

Солнце ослепляющим клубком вынырнуло из-за причудливо изломанных скал, и снег заискрился тысячами фонариков. Фиолетовые, красные, оранжевые искры вспыхнули на склонах гор, окружающих озеро, затанцевали на глыбах льда, лежащих у самого берега, отразились среди гроздей, свисающих с пластов припайного льда. Таинственным зеленовато-фиолетовым полумраком потянуло из глубин озера.

Почти неделю над озером клубились белесые, косматящиеся облака, плотно затягивающие вершины: хребтов белой кисеи, закутывающие ребра отрогов, стелящиеся над синевато-зеленым льдом. Порывистый, переходящий в настоящий шквал ветер переносил по льду озера снежные барханы, заунывно в глухих ущельях, сшибал камни со склонов. А сегодня...

— Открой сомкнуты негой взоры! — Николай обычно встает самый первый, гремит печкой, растапливая ее.

— Проспали!..—Я уже умылся, прикуриваю у печи...

— Пусть спят...— Николай с шумом роняет полено.— Сегодня можно!

Поднимаются все, кроме Бахтиера. Того только тарелкой, стоящей на столе, можно поднять. Позавтракав, отправляемся с Сергеем и Борей к Каттамарджаная. Здесь нам предстоит отобрать пробы воды на хим-анализ. «Буран» бежит легко по темно-синему, изрезанному трещинами льду. Местами трещины вздыбились, словно кто-то рубанул гигантской пешней по льду, и от этого удара образовались целые горы наледей и торосов, состоящих из причудливых обломков. Торосы пересекают озеро на многие сотни метров, и пока найдешь удобное место для объезда или прорубишь сквозь торос дорогу, проходит немало времени. В зимние месяцы уменьшается приток воды в озеро, уровень его падает, и тогда на скалах, теснящихся у самых берегов озера, образуются многоэтажные слои льда.

Пешней прорубаем прорубь во льду, расчищаем ее от ледяной крошки, подтягиваем лебедку. Боря настраивает батометр — прибор, предназначенный для отбора проб воды, крепит его к проводу лебедки, Я достаю из мешка полиэтиленовые бутылки, в которые мы будем заливать воду. Прибор скрывается в лунке, утягивая за собой провод. Первый горизонт — десять метров Батометр, поднимающийся из темных глубин озера, похож на миниатюрный батискаф. Сверкают на солнце никелированные детали прибора, рычаги, штанги. Кажется, что сейчас откроют люки, и выйдут из него отважные покорители морских глубин. С каждым горизонтом вода становится все теплее. Если на десятиметровой глубине температура воды была около нуля градусов, то к двумстам метрам ртутный столбик поднялся до отметки плюс семь градусов.

Часам к семи промеры мы наконец-таки закончили.

Боря отвязывает батометр, Сергей возится с «Бураном», я... сижу. Устал, накрутился.

Удивительно меняются краски льда, сковавшего озеро. У самого берега в местах соприкосновения льда и скал громоздятся голубоватого цвета торосы. Озерный лед у самого берега серебристого цвета. В его матовой толще часто можно заметить морозом созданные причудливые деревца, с искривленными стволами, ветви, украшенные пузырьками воздуха, длинные пряди водорослей, словно вьющихся от невидимых подводных течений.

Среди этой застывшей сказки, сквозь лед просматриваются валуны, лежащие на небольшой глубине, острореберные скалы, похожие на монастыри или замки каких-то подводных феодалов. Чем дальше от берега, тем резче, темнее

становится цвет льда. Постепенно из серебристого, минуя оттенки голубого, сиреневого, почти фиолетового цвета, лед становится фиолетово-зеленым. Трещины во льду похожи на короткие занавеси, шторы, нависшие над бездной...

Колоритная личность — Устобек, начальник метеостанции. Густая, патриаршья борода растет у него, кажется, от самых бровей. Вязаная шапочка сбита на затылок, обнажив выпуклый в бисеринках пота лоб. Рослый, плечистый, он поражал нас своей силой и мощью. Мог один вытащить на берег лодку. Переноса дрова, грузил на себя бревен столько, сколько нам и втроем не унести. Большой любитель розыгрышей.

Сегодня по плану у нас выход на снегосъёмку. Николай с утра съездил на Ирхт, привез Устобека, что вызвало прилив бурного восторга.

— Устобек ! Какими судьбами!

— Из-за вас я теперь должен мучиться! — Устобек достает из мешка приборы, необходимые для снегосъёмки.

— Ничего,— я похлопываю его по плечу, — ты, наверное, засиделся там, на станции! Глядишь, и скрипеть начнешь...

После обеда мы прощаемся с ребятами, и Сергей отвозит нас к устью реки Каттамарджанай. У замерзшего, покрытого наледями устья мы взваливаем на плечи рюкзаки... Первые километры — самые трудные на маршруте. Рыхлый, сыпучий снег основательно замаскировал тропу, камни при малейшем прикосновении переворачиваются, грозя переломать ноги. Реки почти не видно, она скрыта под наледями. В тех местах, где мороз был не в силах справиться с бурным потоком, наледи оскалились пастями провалов, в которых устрашающе сверкают грозди сосуллек. Вскоре набрали на ледовый завал. Завал перегородил даже часть долины реки, так яростно рвался через преграду поток. Идем, вернее, бредем, пробиваясь сквозь снег. Тропы не видно. Направление пути выбираем по принципу «вперед и вверх...»

Слышно, как кряхтит Устобек, он провалился ногой в хорошо замаскированную снегом трещину и силится выбраться из нее.

— Устобек! Куда дальше? — я оборачиваюсь, переводя дух.

— Куда!? Куда! — Устобек похож на вставшего на дыбы медведя. — Да откуда знаю! Иди и все...

— Передохнем?

— А как жи! — Устобек приваливается рюкзаком к камню.— Не кури, а то подохнешь!

До первого убежища от берега озера километров десять-двенадцать. Но как тяжело даются эти десять километров! Коротенький переход, и мы садимся на камни, в снег, задыхаясь, обливаясь потом. Скалы, обступающие реку, кажется, нависают над головами. Идти приходится, перебираясь с берега на берег, по ледяным мосгам, обходя конусы выноса древних селевых потоков. Тонкие лозинки тальника, облепихи, берёз теснятся у самых берегов реки. Крутые подъемы и спуски чередуются в какой-то роковой последовательности. Солнце в считанные минуты скрывается за высоченной вершиной, похожей на острый клык, и мороз немедленно забирается под одежду, выгоняя во время перекуров и без того скудные запасы тепла.

Поднявшись по селевому конусу, обрывистой террасой нависающему над рекой, выходим к площадке снегопункта. Здесь нам предстоит провести свои работы. Но это не сегодня. Сегодня мы вымотались. Неподалеку от площадки, в борозде застывшего селя, притаилась крошечная избушка. Ее вернее можно назвать большой норой. Только труба над крышей да покосившаяся дверь говорят о том, что это не берлога. Согнувшись, протискиваемся внутрь убежища. Небольшой очаг в углу, полка, горсть соломы на земле... Закопченный потолок.

— Устобек, ты куда меня привел!?

— Гостиница «Счастливая»! Самый лучший дом отдыха!

— Эх... Нет в жизни счастья...

Устобек вычищает очаг, собирает веточки жимолости. Я иду за водой. Мороз вызвал такую жажду, что мы осушаем целый чайник, прежде чем идти за дровами.

Трещат дрова в очаге, заполняя «гостиницу» дымом. Сидим на соломе. О том, чтобы встать, не может быть и речи. Во-первых, низок потолок, а во-вторых, едкий дым не позволит. Мы, сидящие у костра, напоминаем неандертальцев. Слезы, кашель... «Заплакали» стены убежища, сложенные из валунов. Теплый воздух согрел их, и камни заслезились, истекая влагой. Устобек, кажется, и не замечает этих неудобств. Старательно вычистив банку тушенки (что-то варить нет ни сил, ни желания), он пьет чай.

— Это тебе не Варзоб... Это тебе Памир!!

— Памир! — я старательно закутываю лицо шарфом.— Ты бы хоть печку здесь сделал! Нары... Сколько лет ходишь на снегосьемку, а у тебя здесь не жилье, а коптильня!

— А как жи! Вах, вах.— Устобек наполняет кружку.— Чтобы здесь что-то нормальное построить, надо, чтобы наше управление позаботилось. А нашему начальству что надо? Только работу давай, а там хоть потоп.

— Ну а ты сам, что же? Затребууй материалы, рабочих... Ты же начальник!

— Да пробовал я... Посылал радиограмму. А толку что? Лучше я уж здесь так помучаюсь, чем там по кабинетам бегать. Пей чай,— он протягивает мне чайник...

Под утро мороз и мыши, устроившие на потолке что-то вроде козлодрания с писком, беготней, шуршанием, все-таки доняли меня. Вылезаю из убежища на четвереньках. Морозный, чистый воздух струей врывается в легкие, заставляя корчиться в кашле...

— Это тебе не Варзоб,— вслед за мной из убежища выползает Устобек.— Это тебе...

— Знаю, знаю... Памир!

Мы кипятим чай, завтракаем и приступаем к снегосьемке.

— Сорок два... сорок семь... сорок шесть...— Устобек бродит шатуном по площадке, делая промеры. Я записываю в дневник выкрикиваемые им цифры. Снегу немного. Это действительно не Варзоб, где в некоторых уголках ущелья откладывается до четырех-пяти метров снега.

— Устобек! Все! Последняя!..

Устобек, закончив промеры, возвращается ко мне. Плотномером, специальным прибором, похожим на трубу, отбираем пробы снега, затем описываем условия залегания снега в этом районе. Такие работы нам необходимо провести на протяжении всего маршрута. Таким образом, мы получим данные о снегозапасах, какое количество воды отложилось в виде снега.

Холодно... Солнце еще и не думает показываться из-за зубчатого хребта. Река парит. Изморозь пушистым войлоком окутывает ветви облепихи и тала. Закончив работу, собираем рюкзаки, оставляем часть продуктов на обратный путь и уходим вверх, по реке.

Сегодня моя очередь дежурить у костра. Совсем как у пещерных людей, чтобы не дать огню погаснуть. Дров мало. Вернее, их почти нет. Чтобы не дать костру погаснуть, подбрасываю хворостинки по одной, экономлю...

Что заставляет нас, да и не только нас, а тысячи людей, специалистов «полевых» профессий: геологов, гидрологов, геодезистов, топографов— выходить на противоборство с самой природой, переносить тяготы экспедиционной жизни. Отказываться от уюта, спокойных, кабинетных должностей, от престижной карьеры? Страсть к деньгам? Нет, — зарплата у нас, как правило, невысока. И гораздо ниже, нежели чем у рабочего, работающего у станка. Романтика? Но большинство из нас работает уже далеко не первый год, и романтики хлебнули достаточно, пора бы и привыкнуть. Страсть к

путешествиям? Но это только в первое время открываешь для себя что-то новое, неизведанное. А затем получается так, что из года в год попадаешь всё в те же места, где побывал много раз.

Преодолевают сотни километров бездорожья (я как-то посчитал, что у меня за полевой сезон выходит до восьми сотен километров пути по горам) с рюкзаком за плечами, переправы, бурные реки и отнюдь не по мостам, ночуют в пещерах, под скалой, в снегу, часто под открытым небом, мерзнут, мокнут, остаются без продуктов, голодают, но идут, работают и побеждают...

Может быть, именно чувство победы, когда ты через «не могу» преодолел все преграды на твоём пути, пересилил всё, что обрушилось на тебя, и вышел победителем, и зовёт нас из городов, из уютных и теплых кабинетов и квартир в неизведанное?.. Кто знает?

В щели между камнями замечаю пожелтевшую общую тетрадь.

— Устобек, что это?

— Журнал. Журнал учета посетителей!

Я перелистываю страницы. Ага... Первая запись датирована 1975 годом. Снегомерщики, снегомерщики... Некоторые страницы тетради исписаны стихами, есть и рисунки, советы...

— Устобек, а что, здесь, кроме вас, никто не бывает? Туристы?..

— Нет, только мы, — Устобек подбросил дров в костер.— Года два назад приходили геологи. Оставили продуктов, расписались и ушли.

Оставляю на чистом листе бумаги запись о том, что мы прожили в «гостинице» две ночи, и расписываюсь.

— Удивительно! Такие места интересные, а никто здесь не бывает.

— А зачем здесь бывать? — Устобек прихлебывает чай,—Зачем здесь кто-то нужен?

— Как зачем? Ведь это же Сарез! О нем ведь столько пишут, говорят, как использовать эту жемчужину гор.

— А зачем его использовать? — Устобек отставляет кружку,— Сарез надо оставить в покое, вот и всё. Табу объявить. Вон в Непале некоторые вершины объявили табу, так и здесь. Пусть только экспедиции приезжают, да и то не так часто.

— Ну ты тоже скажешь, табу!

— А как же! Вот ты послушай. Я здесь уже 13 лет работаю. Ещё мой отец здесь работал. Думаешь, раньше так было!? Ты посмотри, сколько здесь мусора на озере. Одного металлолома сколько экспедиции всякие набросали — тонны! А всякой грязи — банок, тряпок всякие туристы-экспедиции навезли, Ведь везде пишут о загрязнении природной среды. А здесь, ты думаешь, нет загрязнения? Вот ты говоришь, как лучше использовать Сарез? А вот, по-моему, его лучше всего совсем не использовать! Уже лет десять говорят о том, что здесь будет заповедник. А по-моему, лучше чтобы его здесь не было! Тигровая балка тоже заповедник, — а что про нее пишут? А Ромит? В него на отдых народ едет, в этот заповедник. Всякие родственники, знакомые, друзья. Начальство на машинах, как к себе домой заезжают, потом загорают, рыбу ловят... Я сам это видел! Не заповедник, а зона отдыха. Вот и здесь заповедник устроят, и полезет всякий народ — друзья, родственники, «нужные люди».

Нет. Здесь, если что-то делать, то это объявить эту зону природным запасником. Не заказником, а запасником. Объявить здесь табу и оставить эту зону в первозданном виде. Места труднодоступные, народ сюда не скоро доберется, а лет через сто-двести сюда люди будут ходить, смотреть, какая природа была во времена их предков. А то, ишь чего выдумали, на озере наживаться — деньги делать!

— Геологи едут! — воскликнул вдруг Боря, — Как бы они не проскочили мимо нас! Пошли быстрее.

Снегоход геологов вдали на льду казался черной точкой. Я оглянулся. Далеко позади, километрах в двух от нас, мелькала еще одна точка. Сергей безнадежно отстал. Через несколько минут, точка впереди увеличилась в размерах, приближаясь к нам. Геологи заметили нас.

«Буран», глухо тарахтя, стремительно мчался к нам. Через минуту машина, рокоча, притормозила.

— Что произошло? Поломались?

— Утонули.— Мы виновато затоптались на льду.

— Как утонули? — Юра и Николай, знакомые наши геологи, мгновенно погасили улыбки.

— Так, утонули. Провалились...

— А Сергей где?—Лицо Николая побледнело.

— Вон идет,— Боря махнул в сторону верховьев озера.

— Как же так!.. А «Буран» где?

— Там, в полынье. Он застрял, еще не совсем на дно ушел. — Боря глянул на геолога.— Мы к вам бежали. Вытащить сами не смогли, решили вашим «Бураном» попробовать. Боялись, что вы уже уехали.

— Конечно, конечно, — заторопился Юра,— Давай поехали. Может быть, вытянем. Вам, мужики, еще повезло... Если бы минут на десять опоздали, мы бы уже на Ирхт уехали. Пришлось бы вам до косы бежать, а потом обратно!

За время нашего отсутствия у полыньи ничего не изменилось. «Буран» не затонул. По-прежнему в воде плавали куски ветоши, хлеба, щепки... Развернув машину, Юра объехал злополучный торос, полынью и ос-тановился, не доезжая до воды несколько метров.

Сергей привязал фал к «Бурану» и достал нож.

— Это зачем? — не понял я.

— А вдруг наш провалится, так хоть этот надо удержать. Веревку перережу!

Мы вцепились в концы фала и веревок, привязанных к нашей машине.

— Будем тащить рывком.

«Буран», взревев, рванул. Рванули и мы, добавляя к лошадиным силам свои измученные, человеческие. Наш снегоход наполовину вынырнул из воды.

— Держи крепче! — Юра дал задний ход, готовясь ко второму рывку. Веревка врезалась в ладонь, сдирая кожу. Рывок. «Буран» наполовину выполз из полыньи на лед, сверкая лоснящимися, черными гусеницами. Мы вцепились в веревки из последних сил, удерживая на кромке льда наш снегоход, готовый вновь уйти под воду.

— Хоть бы лед не обломился!

Рывок! «Буран» тяжело выполз на лед. Изо всех щелей машины хлестала вода. Юра протащил его еще несколько метров, подальше от полыньи.

— Спасли! — Я отпустил веревку и сел на сани, переводя дух. Ноги не держали, стали ватными.

— Ну, что, погрузим и поедем. — К Сергею вернулась его обычная деловитость, которая, как я заметил, охватывала его всегда, когда у него в руках была какая-нибудь техника. И куда только подавленность подевалась. Впятером мы поставили наш «Буран» на сани, опутали его фалом, привязали и наши сани.

Мы с Борей переглянулись.

— Вы езжайте, а мы пешком, пойдем. Отвезете «Буран», а потом за нами приедете.

— Да вы что, мужики,—удивился Юра. — Давайте, на ходу садитесь, всех разом отвезу. Вы же и так сегодня намучились. Набегались...

Это он верно сказал. Удивительно суматошный день нам выдался сегодня. Надо же! И всего-то, хотели, сегодня перевезти оставшиеся вещи от Ватасайфа к лагерю, да дров немного захватить.

Вторая половина апреля. Уже неделя как мы обосновались в базовом лагере на Ирхте. Работу на озере мы закончили. Зима прошла. Днем тепло пригревает солнце, слизывая снег со склонов, а вечерами холодно. Но разве сравнить теперешние холода с теми, что были в феврале. Лед на озере стал рыхлым. На нём разлились настоящие озера заводей, луж.

Последние дни оказались самыми трудными. Ожидание. Радиограмму о сворачивании экспедиции мы подали заранее, знали число прибытия вертолета, но... Но как долго тянется время! Кто бывал в экспедициях, тот знает, что это такое: сидение на ящиках, ожидание, гадание, прилетит или нет... Через сколько часов?

Часа в три над озером послышался гул. Летит! Мы засуетились у балков, подтаскивая к вертолетной площадке рюкзаки, ящики. Из-за отрога вынырнул ярко-оранжевый МИ-8 и, сделав над станцией круг, совершил посадку. Вот и всё. Мы загружаем вещи в вертолет, прощаемся с зимовщиками. Я жму руку Устобеку. Устобек обнимает меня и подталкивает к вертолету.

- До встречи!

Вертолет на миг зависает над площадкой, вижу, как вихрится борода у Устобека. Он машет, рукой, и бежит подальше от машины.

Под нами стремительно побежала площадка, промелькнула река, ещё секунда, и мы уже летим над белесовато-голубым льдом озера.

До свидания, Сарез. Мы еще вернёмся к тебе.

* * *

Пиров Александр Умарович — Начальник отдела гляциологии снега и снежных лавин Центра гляциологии.

Рассказ был опубликован в журнале "Памир" №3, 1988. Печатается с любезного согласия автора.